

HAL
open science

**Словообразовательная мотивация русской лексики :
соотношение между синхронией и диахронией,
формально–семантические параллели с
западноевропейскими языками / Slovoobrazovatel'naja
motivacija ruskoj leksiki : sootnošenie meždu sinxroniej i
diaxroniej, formal'no-semantičeskie paralleli s
zapadnoevropejskimi jazykami**

Sergueï Sakhno

► **To cite this version:**

Sergueï Sakhno. Словообразовательная мотивация русской лексики : соотношение между синхронией и диахронией, формально–семантические параллели с западноевропейскими языками / Slovoobrazovatel'naja motivacija ruskoj leksiki : sootnošenie meždu sinxroniej i diaxroniej, formal'no-semantičeskie paralleli s zapadnoevropejskimi jazykami . SWETLANA MENGEL SLAVISCHE WORTBILDUNG IM VERGLEICH, Lit Verlag, 2015. <halshs-01726009>

HAL Id: halshs-01726009

<https://shs.hal.science/halshs-01726009>

Submitted on 7 Mar 2018

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire HAL, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

SWETLANA MENGEL (HG.)

SLAVISCHE WORTBILDUNG IM VERGLEICH

SLAVICA VARIA HALENSIA

HERAUSGEGEBEN VON
ANGELA RICHTER UND SWETLANA MENGEL

MARTIN-LUTHER-UNIVERSITÄT HALLE-WITTENBERG

SVH = BAND 12

LIT

SWETLANA MENGEL (HG.)

SLAVISCHE WORTBILDUNG
IM VERGLEICH

THEORETISCHE UND PRAGMATISCHE ASPEKTE

LIT

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek

Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

ISBN 978-3-643-12750-1

© LIT VERLAG Dr. W. Hopf Berlin 2014

Verlagskontakt:

Fresnostr. 2 D-48159 Münster

Tel. +49 (0) 2 51-62 03 20 Fax +49 (0) 2 51-23 19 72

E-Mail: lit@lit-verlag.de <http://www.lit-verlag.de>

Auslieferung:

Deutschland: LIT Verlag Fresnostr. 2, D-48159 Münster

Tel. +49 (0) 2 51-620 32 22, Fax +49 (0) 2 51-922 60 99, E-Mail: vertrieb@lit-verlag.de

Österreich: Medienlogistik Pichler-ÖBZ, E-Mail: mlo@medien-logistik.at

E-Books sind erhältlich unter www.litwebshop.de

Inhaltsverzeichnis

Einführung

Swetlana Mengel 13

**I. Slavische Wortbildung im Lichte
verschiedener linguistischer Theorien** 17

Семантика и прагматика лексических единиц

в зеркале деривационных процессов

(Semantics and pragmatics of a word as mirrored by
derivational processes)

Зинаида Харитончик (Zinaida Kharitonchik) 17

За мястото и приложението на подходите

от значение към форма и от форма към значение

в славянските словообразователни изследвания

(About the place and application of the approaches from
the meaning to the form and from the form to the
meaning in the Slavic word-formation studies)

Юлия Балтова (Julija Baltova) 34

Підходи до вивчення семантики похідного слова:

українська дериватологічна школа в порівнянні

з іншими слов'янськими

(Approaches to study semantics of a loan-word:
comparison of the methods in Ukrainian
and other Slavic derivatologies)

Лариса Кислюк (Larysa Kysljuk) 47

Различити теоријски приступи префиксацији

у словенској творби речи

(Unterschiedliche theoretische Ansätze zur Beschreibung
der Präfigierung in der slavischen Wortbildung)

Рајна Драгићевић (Rajna Dragičević) 60

Национальные форманты-уникаты (Nationale Formanten-Unikate)	
Branko Tošović	73
Wortbildungsnester und konzeptuelle Frames (Словообразовательные гнезда и концептуальные фреймы)	
Alicja Nagórko	91
Besonderheiten der slavischen Wortbildung unter sprachhistorischen Aspekten (Особенности славянского словообразования в диахронно-историческом аспекте)	
Swetlana Mengel	104
Aspekty teoretyczne i pragmatyczne współczesnej słowiańskiej terminologii słowotwórczej (Theoretical and pragmatic aspects of building Slavic terminology in word formation)	
Zofia Rudnik-Karwatowa	129
Амбисемия в словообразовании (Ambisemie in der Wortbildung)	
Aleksander Kiklewicz	143
Словообразование как интерфейсный феномен (Word-formation as an interface phenomenon)	
Elizaveta Kotorova	163
II. Slavische Wortbildung in kontrastiver und komparativer Betrachtung	179
Perspektywy badań konfrontacyjnych słowotwórstwa (Perspektiven der kontrastiven Forschung im Bereich der Wortbildung)	
Krystyna Waszakowa	179

Агульныя праблемы супастаўляльнага вывучэння словаўтварэння славянскіх моў (Common problems comparative study of Slavic languages)	
Аляксандр Лукашанец (Aliaksandr Lukashanets)	201
Типологические универсалии славянского словообразования (Typologische Universalien der slavischen Wortbildung)	
Геннадий Николаев, Наталия Николаева (Gennadij Nikolaev, Natalija Nikolaeva)	218
Общеславянский фонд интернациональных словообразовательных морфем: теоретические и прагматические аспекты исследования (The Slavonic fund of international affixes: theoretical and pragmatic aspects of the study)	
Elena Koriakowcewa	234
Внутренняя динамика словообразовательных систем в близкородственных (славянских) языках: центробежное – центростремительное движение (Interne Dynamik der Derivationssysteme in slavischen Sprachen: Zentrifugale und zentripetale Tendenzen)	
Галина Нешименко (Galina Neščimenko)	251
Засади словотвірної категоризації лексики у міжслов'янських паралелях (Die Grundlagen der Wortbildungskategorisierung des Wortschatzes in interslavischen Parallelen)	
Євгенія Карпіловська (Jevgenija Karpilovs'ka)	272
Деривационный потенциал имен прилагательных: общность и многообразие (The derivational potential of adjectives: unity and variety)	
Василка Радева (Vasilka Radeva)	292

Безсуфиксни имена на жители (nomina habitatorum) в славянските езици (Suffixless inhabitants nouns [nomina habitatorum] in the Slavic languages) Цветанка Аврамова (Tsvetanka Avramova)	305
Принципы контрастивных исследований социолектной деривации (Principles of contrastive research in sociolect derivation) Елена Лукашанец (Elena Lukashanets)	321
Взаємозв'язки різнорівневих похідних одиниць мови як критерій їх зіставлення (на матеріалі східнослов'янських і новогрецької мов) (Verbindungen zwischen motivierten Spracheinheiten unterschiedlicher Sprachebenen als Komparationskriterium [am Beispiel der ostslavischen Sprachen und des Neugriechischen]) Ніна Клименко (Nina Klymenko)	338
Словообразовательная мотивация русской лексики: соотношение между синхронией и диахронией, формально-семантические параллели с западноевропейскими языками (Motivational schemes in Russian lexical derivation between synchrony and diachrony, formal and semantics parallels with Western European languages) Serguei Sakhno	353
Греческо-славянские словообразовательные эквиваленты в переводах XIV века (Griechisch-slavische Wortbildungsäquivalente in den Übersetzungen des 14. Jahrhunderts) Лора Тасева (Lora Taseva)	370

Hypokoristika- und Honorifikativa-Bildungen in slavischen Übersetzungen des Berlaimont- Gesprächsbuchs (17. Jh.) (Уменьшительно-ласкательные и гоноративные [уважительно-почтительные] образования в славянских переводах «Бесед» Берлемона [XVII в.] Helmut Keipert	396
III. Slavische Wortbildung im Fokus von Einzelsprachen	417
Образование новых слов в русском языке: теоретические аспекты и когнитивно-дискурсивный анализ (Formation of new words in the Russian language: theoretical aspects and discourse analysis) Елена Петрухина (Elena Petrukhina)	417
Зборообразувањето како дел од македонската наука за јазикот од теоретски и прагматички аспект (Word formation as part of Macedonian science of language from theoretical and pragmatic aspects) Lidija Arizankovska	435
О комбинованој творби речи на фону других блиских назива (Zur kombinierten Wortbildung auf dem Hintergrund anderer nahe stehender Benennungsverfahren) Божо Ћорић (Božo Ćorić)	446
Hrvatsko rječoslovlje – između tradicije i novih potreba (Kroatische Wortbildung zwischen Tradition und neueren Tendenzen) Barbara Štebih Golub	462

<p>Tvorbena obilježja nomina agentis et professionis u savremenom bosanskom jeziku (Formative features of feminine nomina professionis in modern Bosnian language) Amela Šehović</p>	478
<p>Obrazilna konkurenčnost samostalniških istokorenskih sufikslnih sopomenk v novejši slovenski leksiki (Competitive suffixes in nominal same-root synonyms in recent Slovene lexis) Irena Stramljič Breznik</p>	494
<p>K současnému tvoření složených názvů osob v češtině (Contemporary Formation of Compound Personal Names in Czech) Ivana Bozděchová</p>	506
<p>Прагматические аспекты современного русского словообразования (Pragmatic aspects of the modern Russian word-building) Лариса Рацибурская (Larisa Raciburskaja)</p>	527
<p>Роль словообразования при маркировании социальной дистанции в обращении (Die Rolle der Wortbildungselemente bei Markierung sozialer Distanz im Anredeverhalten) Sergej Afonin</p>	540
<p>Powstawanie i zmiany funkcji polskiego przysłówka (Creation and functional changes of Polish adverbs) Krystyna Kleszczowa</p>	547

IV. Slavische Wortbildung im interdisziplinären Kontext	559
Lexika in der Wortbildung und Wortbildung in Lexika (Словари в словообразовании и словообразование в словарях)	
Renate Belentschikow	559
Деривационное гнездо как объект и модель в теории словообразования и практике лексикографирования (A derivational nest as an object and a model in the theory of word-formation)	
Алексей Никитевич (Aleksej Nikitevič)	576
Десять постулатов о принадлежности славянской аспектологии словообразованию и следствиях из этого для грамматики и лексикографии (Ten theses about Slavonic aspectology as a part of word-formation and consequences of that for grammar and lexicography)	
Игорь Милославский (Igor Miloslavskij)	590
Noch immer Wortbildung oder doch besser wieder Morphologie? (Все еще словообразование или все-таки лучше опять морфология?)	
Jochen Raecke	607
Die slavische Nominalphrase zwischen Wortbildung und Syntax (Славянские составные наименования между словообразованием и синтаксисом)	
Robert Hammel	622
Возможности словообразования в сфере выражения логических категорий (Potenzen der Wortbildung im Bereich logischer Kategorien)	
Ольга Ермакова (Olga Ermakova)	640

Словообразоване и етимология (Word-formation and etymology)	
Ludwig Selimski	652
Трансформационная поэтика (Transformationspoetik)	
Sergej Birjukov	665
Zu den Autorinnen und Autoren	675

Einführung

Das vorliegende Buch ist ein Gemeinschaftswerk mehrerer Autorinnen und Autoren, das in langjähriger Zusammenarbeit im Rahmen der Internationalen Kommission für slavische Wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee entstanden ist.

Das Hauptanliegen und die zentrale Idee des Projekts *Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte* ist das Bestreben, die Spezifika der Wortbildung in den slavischen Sprachen, die sich in dieser Hinsicht von den anderen indogermanischen Sprachen unterscheiden, in der (sprach)wissenschaftlichen Öffentlichkeit zu erörtern und sie ihr nahe zu bringen. Der beabsichtigte Vergleich beinhaltet sowohl die kontrastive und komparative Betrachtung konkreter sprachlicher Erscheinungen in slavischen und nichtslavischen sowie innerhalb der slavischen Sprachen, als auch den Vergleich zum Teil unterschiedlicher theoretischer Ansätze und Herangehensweisen bei der Beschreibung der Wortbildungssysteme in slavischen und nichtslavischen Sprachen und der Stellung der Wortbildung im Sprachsystem. Es wird ein Versuch unternommen, die besagten Wortbildungsspezifika im Slavischen exemplarisch aus diachroner und synchroner Sicht zu beleuchten und ihre besondere Rolle auf der pragmatischen Ebene zu verdeutlichen.

Das zugrunde gelegte Konzept wird in vier thematisch spezialisierten Kapiteln realisiert: I. Slavische Wortbildung im Lichte verschiedener linguistischer Theorien, II. Slavische Wortbildung in kontrastiver und komparativer Betrachtung, III. Slavische Wortbildung im Fokus von Einzelsprachen, IV. Slavische Wortbildung im interdisziplinären Kontext. Dabei wird bei der Beschreibung von Wortbildungsphänomenen im Slavischen im I. Kapitel der Schwerpunkt auf unterschiedliche theoretische Analysemethoden und theoriebildende Ansätze gelegt. Im II. und III. Kapitel treten konkrete sprachliche Besonderheiten in den Vordergrund, die mittels sprachvergleichender und innersprachlicher Analysen vorgestellt werden. Das abschließende IV. Kapitel zeigt die Problematik der Stellung der Wortbildung im Sprachsystem auf, die nicht nur bei den Beschreibungen slavischer und nichtslavischer Sprachen keinen Konsensus findet, sondern auch innerhalb der linguistischen Teildisziplinen der Slavistik als umstritten gilt.

Die Inhalte der vier Kapitel sowie ihrer einzelnen Beiträge sind durch Querverbindungen vielfach miteinander verknüpft. So verweist beispielsweise die konkrete Thematik der einzelnen Beiträge im IV. Kapitel, die bestimmte Phänomene der slavischen Wortbildung in der Lexik

(Belentschikow, Nikitevič), Morphologie (Raecke) oder Syntax (Hammel) verorten, bzw. sie mit der Ethymologie (Selimski), der pragmatischen Poetik (Burjukov) sowie der Logik (Ermakova) verbinden, auf den im abschließenden Beitrag des I. Kapitels geäußerten allgemeinen theoretischen Gedanken über die Wortbildung als ein *interface phenomenon* (Kotorova). Parallel findet im IV. Kapitel eine kontroverse Diskussion über die Zugehörigkeit bestimmter sprachlicher Erscheinungen zur Wortbildung oder zur Morphologie in den Beiträgen von I. Miloslavskij und Jo. Raecke statt. Die zentrale Stellung der Derivation in der slavischen Wortbildung wird aus synchroner (Kharitonchik) und diachroner (Mengel) Sicht im I. Kapitel beleuchtet und in mehreren Beiträgen des II. Kapitels auf der Grundlage des konkreten sprachlichen Materials (Karpilovs'ka, Klymenko, Sakhno) sprachvergleichend verifiziert. Unter diesem Gesichtspunkt wird die spezielle Rolle der Wortbildungsaffixe im Slavischen vorgestellt, u.a. aus der allgemein-theoretischen (Dragičević, Tošović – I. Kapitel), universal-slavischen (Nikolaev / Nikolaeva, Koriakowcewa, Neščimenko, Avramova – II. Kapitel) und (kontrastiv-)pragmatischen Sicht im diachronen (Taseva, Keipert – II. Kapitel) sowie synchronen (Radeva – II. Kapitel; Raciburskaja, Afonin – III. Kapitel) Aspekt. Die unterschiedlichen Herangehensweisen an die Analyse der abgeleiteten bzw. motivierten Wörter werden sowohl im allgemeinen Rahmen des reziproken Verhältnisses zwischen Form und Bedeutung (Baltova, Kiklewicz), als auch aus der Sicht der einzelnen derivatologischen Schulen (Kysljuk) im I. Kapitel sowie anhand der Beschreibung einzelner Phänomene, wie z.B. des Wortbildungsnestes (Nagórko, Nikitevič, Petrukhina), in den Kapiteln I., IV. und III. vorgestellt. Dieses Präsentationsmuster wird auch bei der Darlegung der Problematik des innerslavischen Sprachvergleiches in der Wortbildung beibehalten: Diese wird sowohl aus der Sicht unterschiedlicher allgemein-theoretischer Ansätze (Waszakowa, A. Lukashanets – II. Kapitel), als auch anhand konkreter Sprachvarietäten – der (Wortbildungs)Terminologie (Rudnik-Karwatowa – I. Kapitel) bzw. der Soziolekte (E. Lukashanets – II. Kapitel) – beleuchtet. Die Beiträge im III. Kapitel, die sprachhistorischen (Kleszczowa) und gegenwärtigen Wortbildungsprozessen in einzelnen slavischen Sprachen gewidmet sind, zeichnet teilweise eine Verknüpfung durch einen konkreten gemeinsamen Untersuchungsgegenstand aus, z.B. die Bildung von Personenbezeichnungen (Šehović, Bozděchová, vgl. Avramova im II. Kapitel). Die meisten Beiträge dieses Kapitels beschäftigen sich jedoch gleichzeitig mit der Rolle der Wortbildung in den aktuellen Prozessen der Herausbildung neuerer slavischer Standardsprachen: Spezifische Wortbildungserscheinungen werden dabei aus der theoretischen und pragmatischen Perspektive

der Normbildung im Mazedonischen (Arizankovska), Serbischen (Ćorić), Kroatischen (Štebih Golub), Bosnischen (Šehović) und Slowenischen (Stramljič Breznik) betrachtet.

Die Entscheidung, Teile des Buches im Sinne der slavistischen Tradition in slavischen Sprachen – darunter in mehreren jüngeren slavischen Standardsprachen – zu verfassen, widerspricht aus unserer Sicht nicht dem Hauptanliegen des Projekts. Eine kurze Zusammenfassung in deutscher oder englischer Sprache, die jedem solcher Beiträge vorangestellt wird, erlaubt dem Leser, die Gesamtproblematik zu erfassen. Bei besonderem Interesse besteht die Möglichkeit des persönlichen Kontakts zu den Autoren: Ihre Kontaktadressen befinden sich am Ende des Buches.

Die Gestaltung der Druckvorlage besorgten Tatjana Chelbaeva, Anna Jouravel und Jurij Trofimov, wofür ihnen an dieser Stelle ganz herzlich gedankt sei. Ich danke auch allen Autorinnen und Autoren, die die Korrektur ihrer eigenen Beiträge in der für den Druck formatierten Endfassung noch ein Mal gelesen haben. Mein aufrichtiger Dank gilt ebenfalls der Deutschen Forschungsgemeinschaft: Ihre finanzielle Unterstützung hat die 15. Internationale Konferenz der Kommission für slavische Wortbildung vom 11. bis 15. Mai 2014 in Lutherstadt Wittenberg ermöglicht, die u.a. der letzten Besprechung der Inhalte des vorliegenden Buches diente.

Swetlana Mengel

Halle a.d. Saale, im Dezember 2014

**Словообразовательная мотивация русской лексики:
соотношение между синхронией и диахронией, формально-
семантические параллели с западноевропейскими
языками**

Сергей Сахно

When describing lexical derivation in Russian, synchronical approaches are widespread and they are opposed to diachronical trends. It is possible to reconcile or even to conflate both types of approaches. Many Russian lexems, which appear as (partially) unmotivated, can be included, in spite of their opacity, in complex motivation schemes when comparing with I.-Eu. data.

По мнению ряда исследователей (Wunderli 1988), внимательное прочтение работ Ф. де Соссюра показывает, что сам Соссюр отнюдь не противопоставлял синхронию диахронии как два принципиально различных плана описания языка, а стремился, наоборот, к их «междисциплинарному» гармоничному сочетанию. Многие современные лингвисты осознают необходимость включения диахронических элементов в исследование и описание современного состояния языка, в том числе в словообразовательный анализ (Улуханов 1992, Яковлева 1994, Lehmann 1995, Гак 1998, 691-701, Менгель 2010)¹. При этом диахрония может имплицитно присутствовать в тех или иных элементах лингвистического анализа, например, при осмыслении семантической динамики словообразовательных аффиксов (Беляков 2001).

¹ На конференции «Славянское словообразование в сравнении: теоретические и прагматические аспекты» (Виттенберг, 11-16.05.14) сходные мысли высказывались в разной форме в ряде докладов (С. Менгель, Л. Селимским, Е.Г. Которовой, Е.И. Коряковцевой, Е.В. Петрухиной, О.П. Ермаковой, Г.А. Николаевым, и др.) и во время дискуссий. Это позволило нам уточнить многие положения данной статьи, и мы искренне благодарим участников и организаторов конференции.

*In: Svetlana Mengel (Hg.). Slavische Wortbildung im Vergleich.
Theoretische und pragmatische Aspekte.
Berlin 2014.*

Вполне закономерно, что в целом при описании словообразования современного русского языка преобладают строго синхронные подходы. Иногда это приводит даже к своего рода синхронной словообразовательной иллюзии. Можно, разумеется, выделять как русскую «нерегулярную словообразовательную единицу» суффикс *-иот* в слове *киприот* (Ефремова 1996, 203), поскольку *киприот* явным образом соотносится с *Кипр*, даже если это единственный пример в данной словообразовательной модели, и аффикс этот уникальный (о проблеме уникальных морфем см. особо в словаре Рацибурская 2009). Но при внимательном анализе любому филологу становится ясно, что с точки зрения истории русского словообразования это не так: в диахронии русский язык никогда не образовывал *киприот* от *Кипр*, так как *киприот* вместе со своим суффиксом заимствовано (возможно, при посредничестве фр. *Chypriote* ‘киприот’ < *Chypre* ‘Кипр’, ср. также англ. *Cypriot* < *Cyprus*, нем. *Zypriot* < *Zypern*) из греческого *Kypriôtês* = *Kypr-i-ôt-ês* ‘киприот’, существительного, образованного от греч. *Kypros* ‘Кипр’ (через прилагательное *kyprios* ‘кипрский’). Кстати, следы греческого суффикса *-iôt-* < *-i-ôt-* более регулярно проявляются в других языках при обозначении жителей некоторых крупных городов Балкан, исторически связанных с греческой культурой: фр. *Stambouliote* ‘стамбулец’ ~ *Istanbul*, *Sofiot* ‘софиец’ ~ *Sofia* (но ср. рус. *софиец*, болг. *софиянец*)².

В некоторых работах (Worth et al. 1970, Herman 1975, Patrick 1989, Press 2000, Clémens, Charovalova 2002) описание русского словообразования сочетает (в разной мере) синхронию с диахронией. Попытка систематического применения этого принципа предпринята в работах (Sakhno 2001, 2002, 2011, 2013). В словаре (Sakhno

² В русском *стамбулиот* встречается крайне редко (лишь 1 вхождение, по данным Google, в особом историческом контексте). Кроме того, потенциально в синхронии в русском суффикс *-иот* / *-иот* как будто бы выделяется в таких собственных именах, как *Иуда Искариот*, из греч. *Iskariôtês*, – но это было бы верно только по некоторым из интерпретаций этого этимологически неясного имени (Токарев 1991, 580). И для некоторых образованных носителей русского языка даже в *идиом* (< греч. *idiôtês* ‘простой человек, частное лицо’ < *idios* ‘свой, собственный, частный’) выделим суффикс *-иот*, поскольку *идиом* (*idiôtês* < греч. *idios* ‘свой, собственный, частный’) в диахронии соотносимо с *идиома*, *идиоматика*, и т.д. Это же касается слов типа *патриот* = *патр-иот* (< греч. *patriôtês* ‘соотечественник’ < *patêr*, *patros* ‘отец’), поскольку *патриот* соотносимо в диахронии с *патриархат*, *патристика* и т.д. В этом смысле *-иот* / *-иот* мог бы рассматриваться как «аффиксоид», в понимании, близком к (Козулина и др., 2009).

2005/2011) делается попытка представления русской синхронно-диахронной словообразовательной системы, с выявлением русско-французских³ межъязыковых лексико-семантических параллелей в плане синхронно-диахронной деривации и с описанием в сжатом виде фактов параллельных семантических переходов. О важном для нас понятии семантического перехода см. особо у Анны А. Зализняк (2013).

Учет диахронии рассматривается многими другими авторами как важное условие системного представления современной русской лексики и охвата ее смысловых потенций. В.Г. Гак предлагал понятие “этимолого-семантического поля”, которое некоторым образом сочетает диахронию с синхронией: основная задача при анализе этимолого-семантического поля (например, в русском языке – поля слов со значением 'земля', образованных от русской основы *земл-, зем-* и от заимствованных основ, таких как лат. *terr-, tellus, humus*, греч. *gê-, khîôn*, герм. *land*) состоит, по мнению автора, в выявлении путей семантической и структурной деривации слов с общим этимологом; при этом разные единицы поля отражают те или иные реально существующие стороны данного объекта (Гак 1998, 691-701). Это необходимо для системного структурированного описания словарного состава русского языка, который (и в этом русский подобен другим современным литературным языкам с давней письменной традицией) этимологически крайне неоднороден: помимо исконных слов, он включает много лексических заимствований, этимоны которых нередко дублируют по своему значению существующие в языке коренные этимоны. Сходные мысли, хотя и с иных теоретических позиций, высказывала Н.Ю. Шведова:

«Русская лексическая система сложилась исторически [...]; в ней присутствуют как отдельные единицы, так и целые подмножества, несущие в себе следы прежних ступеней развития языка; таким образом, в самой системе заложены свойства соположенности единиц, различных по своим индивидуальным генетическим (хронологическим) характеристикам, а также по стилистической окраске, по своей сути тоже принадлежащей к широкой сфере исторических характеристик слова» (Шведова 1999).

Еще один, весьма показательный, пример. Авторы словаря *Дискурсивные слова русского языка* (Киселева, Пайар 1998), синхроническая направленность которого не подлежит сомнению, регулярно

³ В некоторых случаях-русско-английских, русско-латинских, русско-(древне)греческих и др.

вводят в структуру словарных статей рубрику “Истоки”, что подчеркивается во *Введении*:

«Мы исходим из того, что правильную трактовку слова следует искать не только в интуиции других носителей и лингвистов, закрепленной в словарях, грамматиках и исследованиях, но и в “родственных связях” слова – как синхронических (собственно родственные слова), так и диахронических (этимологические корни слова). Этимология при этом понимается в самом широком смысле, как происхождение и история изменений значения слова; [...] история слова, его внутренняя форма небезразличны для его плана содержания в современном языке и тем самым в скрытом виде может присутствовать (и часто действительно присутствует) в предлагаемом семантическом представлении» (с. 42).

Например, при описании значений слова *кстати* оказывается существенным учитывать, что исторически оно состоит из предлога *к* и существительного *стать* (в старом значении ‘причина, повод, способ’, ср. современные значения ‘осанка, фигура’): “это сочетание вводит в рассмотрение проблему взаимной адекватности двух элементов в некотором отношении” (Киселева, Пайар 1998, 249).

Во многих случаях поиск инокорневых формально-семантических аналогий (параллелей) между русским языком и западноевропейскими языками в плане синхронно-диахронной деривации важен для системного представления фрагментов русской лексики и славянской лексики в целом. Как мы показываем в работах (Sakhno, Hénault-Sakhno 2005) и (Sakhno, Tersis 2008), в русском языке формально-семантическое соотношение (формально-семантическая конфигурация) между *друг*⁴, *другой* ‘второй; иной’, *дружба*, *дружина* и др., вписывается в семантическую диахроническую модель ‘следовать’ > ‘второй’ > ‘иной’ > ‘друг’, что аналогично соотношению в латинском между *sequi* ‘следовать’, *secundus* ‘второй’ (> фр. *second* ‘помощник’), *socius* ‘товарищ’⁵. Независимо от нашего анализа и привлекая смежные славянские и латинские лексико-семантические факты, на данное поразительное сходство указывает также (Журавлев 2010): это говорит об актуальности поиска и систематизации межъязыковых синхронно-диахронных лексических эквивалентов.

В этой области возникает немало проблем. Например, в работе (Clémens, Charovalova 2002) в разделе синхронно-диахронного сло-

⁴ О грамматикализованной структуре *друг друг(а)* см. (Viellard 2012).

⁵ А далее следует учитывать, что подобные формально-семантические конфигурации имеются в других языках (Sakhno, Tersis 2008), иногда с переходом к семантике «двоичности».

вообразовательного перечня лексических единиц с корнем *gorod / grad* диахронное значение глагола *наградить* объясняется как «подарить город победителю». В нашей работе (Sakhno 2005/2011, 72) мы предлагаем более точное и семантически более релевантное объяснение, основываясь на (Фасмер 1987, 3, 37): от **nagorditi* ‘наложить кучей’, ср. рус. *нагородить*) и на важный семантический аналог с внутренней формой (в диахронии) фр. глагола *combler* ‘наполнить; завалить (яму землей)’ и ‘исполнить (желание) ; щедро одарить’, от лат. *cumulare* ‘наложить кучей’. Правда, эта этимология не является единственной, если следовать данным словаря (Трубачев 1994, 51-52), где общесл. **nagorditi* I ‘нагромоздить’ отделяется от **nagorditi* II ‘наградить’ как особого образования (хотя и с тем же корнем), причем источником **nagorditi* II ‘наградить’ может быть старочешский глагол *nahraditi* ‘возместить, наверстать, искупить; отплатить, наградить’, а семантические изменения могут быть связаны со значением общесл. слова **město* и его производных **zaměstiti*, **vzământiti* (учитывая, что в старочешском *miesto* и *hrad* выступают как синонимы). Но интересна и идея (там же) о том, что **nagorditi* II ‘наградить’ заимствовано из романского **guard-*, в свою очередь заимствованного из германского *wardōn*, ср. англ. *reward* ‘наградить’.

Однако же формально-семантическая аналогия (параллель) между *наградить* (<**nagorditi*, ср. рус. *нагородить*) с фр. глаголом *combler* ‘наполнить; щедро одарить’ (< лат. *cumulare*) сохраняет ценность в плане сопоставительного изучения деривационной семантики межъязыковых лексических эквивалентов, в частности для выявления потенциальных схождения между нашими языками и остается, на наш взгляд, релевантной в рамках данной лингвистической задачи (Sakhno 2005/2011): представление русской синхронно-диахронной словообразовательной системы для франкоязычной аудитории (в том числе для франкоязычных русистов, славистов и для широкого круга читающих по-французски филологов).

Для системного описания лексики преодоление разрыва между синхронией и диахронией в области словообразования и вообще семантики (лексической и грамматической) актуально для когнитивного направления⁶, в частности в связи с проблемами «языковой

⁶ А. Вежбицкая в известной работе, посвященной описанию цветообозначений в разных языках как “артефактов культуры”, замечает в связи с постулируемым компонентом “растительность” в толковании английского прилагательного *green* ‘зелёный’, что существенно учитывать возможную

картины мира» и в плане сопоставительного изучения деривационной семантики межъязыковых лексических эквивалентов; среди последних наиболее интересных работ укажем (не имея возможности их комментировать из-за недостатка места) лишь на (Петрухина 2012, Березович 2010, Зализняк 2013).

Часто используется понятие внутренней формы слова, восходящее к работам В. фон Гумбольдта и А. Потебни (Менгель 2010) и получившее особую интерпретацию у Г. Шпета (Denness 2012). Как подчеркивает С. Менгель (Менгель 2010), внутренняя форма слова есть субъективное понимание объективного смысла вещи, которое благодаря общению («совместной речи» по Гумбольдту) приобретает общеязыковой характер. Наличие внутренней формы слова означает наличие у данного слова определенного типа парадигматических смысловых отношений. Как указывает С. Менгель (Менгель 2010), в ряде работ понятие «внутренней формы слова» применяется несколько прямолинейно, некритически и зачастую однобоко с целью подчеркнуть «культурно-логическое» и «педагогическое значение» изучения истинно русской языковой картины мира и русской ментальности. Вряд ли нужно, как совершенно справедливо подчеркивает С. Менгель, настаивать (на основании однокорневых слов: др.-рус. *веремя*, рус. *вертеть*, *веретено*) на специфически русском понимании *времени* как «того, что вертится», «вечной „вертушки“»: ведь привлечение сравнительно-исторического материала показывает наличие в других языках однокорневых семантических параллелей (ср. др.-инд. *vártma(n)* 'дорога, след, желоб', *vártanam* 'вертеть, производить круговые движения, ходить туда-сюда'). Восприятие времени как «чего-то вечно повторяющегося» является очень древним общечеловеческим концептом и связано с циклом четырех времен года (Менгель 2010).

Сопоставительное изучение деривационных межъязыковых лексических эквивалентов часто требует учета многообразия форм языков во всей сложности их семантики. К данным языков нельзя подходить прямолинейно (и наш подход в этом близок к подходу С. Менгель).

этимологическую связь с глаголом *to grow* 'расти' (Вежицкая 1996, 253-257). Но в описании слов со значением 'белый' (249-253), где справедливо указывается на их глубинное семантическое соотношение с понятием "свет", ничего не говорится о важной диахронической связи между англ. *white* 'белый' (от др.-англ. *hwīt*) с русскими словами *свет* и *цвет*.

Поэтому отметим также в качестве частичных однокорневых семантических параллелей к *время* (< праслав. **uert-men*) ~ *вер-темя*: а) корневой элемент лат. *Vertumnus* = *Uertumnus*⁷, имени древнеиталийского бога изменений и превращений, в том числе смены времен года, товарообмена и непостоянства чувств, ср. фр. *versatile* 'изменчивый, непостоянный в чувствах' < лат. *versatilis* 'вращающийся, подвижный'; этот элемент связан с лат. глаголом *vertere*, *verto versum* (< **uert-t-um*) 'вертеть' (в архаичной латыни также *vortere* = *uortere*, ср. лат. *vortex* 'водоворот'⁸); б) корневой элемент лат. имен *Anteverta* = *Ante-uerta*, она же *Prōrsa* (< **prō-uorsa*) («перед / вперед-повернутая») – богиня, олицетворявшая знание о будущем, *Postverta* = *Post-uerta* или *Postvorta* = *Post-uorta*, («после / назад-повернутая») – богиня, олицетворявшая знание о прошлом (Степанов 1997, 127): этот элемент связан с тем же лат. глаголом *vertere*; в) второй корневой элемент лат. *anniversarius* = *annivers-arius* < *annus* 'год' + *vertere*) 'каждый год повторяющийся, ежегодный', ср. лат. выражения *annus vertens* 'текущий год; круглый год', *anno vertente* 'в течение года', что семантически сопоставимо с рус. *круглый год*, *круглые сутки*. Рефлексы этой древней деривационной семантики частично сохраняются в современных западных языках, но почти не осознаются их носителями (фр. *anniversaire* 'годовщина; день рождения', англ. *anniversary*); но ср. с другой стороны фр. *L'heure tourne* 'Время идет быстро', букв. 'Время / Час вращается' (что часто осмысливается носителями фр. языка в синхронии как указание на вращение стрелок часов)⁹.

Более сложные, но семантически закономерные отношения наблюдаются в др.-рус. *вьрста* (< **vert-t-a*): а) 'возраст' (отсюда рус. *сверстник*); 'поколение' (букв. «одного *коло*, одного поворота»); б) 'верста, мера длины' (< 'поворот плуга в конце борозды, расстояние

⁷ Было бы заманчиво предполагать прото-лат. **uert-men-us*, что было бы параллелью к праслав. **uert-men* (ср. далее наш анализ лат. *volu-men*). Но этимология *Vertumnus* = *Vortumnus* = *Vertumnis* намного сложнее: в основе лежит, видимо, имя этрусского божества *Voltumna*, которое в латинском было переосмыслено как причастие среднего залога (*vertumnus* «вертящийся») от глагола *vertere*.

⁸ Этимологически соотносимое с рус. *вермен*, см. об этом ниже.

⁹ Зато фр. *an* / *année* 'год' < лат. *annus* 'год' носителями фр. языка может иногда наивно сближаться с *anneau* 'кольцо' < лат. *an(n)ulus* < *ānus* / *annus* 'круг, кольцо; заднепроходное отверстие', хотя между лат. *annus* 'год' (ср. гот. *athns* 'год') и лат. *ānus* / *annus* 'круг, кольцо' явной этимологической связи не установлено.

между двумя поворотами плуга'¹⁰. Но в синхронии семантическая связь между рус. *верста* и *верстник* затемнена, несмотря на частичное формальное совпадение.

В плане сопоставительного изучения деривационной семантики межъязыковых лексических эквивалентов заслуживает интереса неочевидная однокорневая семантическая параллель между рус. *время* (праслав. **uert-men*, ср. *вермень*) со вторым элементом нем. *Gegenwart* = *Gegen-wart* (< др.-в.-нем. *gaganwart*, *geginwart*, букв. «напротив-повернутое») 'присутствие; настоящее время, современность; настоящее время (в грамматическом значении)', *gegenwärtig* 'современный, настоящий'. В «дальней» диахронии элемент *-wart*, родственный *werden* 'становиться' (исходное значение: 'поворачиваться') и англ. *-ward* в *toward* 'к', *forward* 'вперед' (ср. нем. *vorwärts* 'вперед'), *backward* 'назад', неоспоримо связан с рус. *вермень*, лат. *vertere*. При этом *-wart* никак не связано этимологически с нем. *warten* 'ждать, следить за, наблюдать' < индо-евр. **(s)wer-* 'следить за, наблюдать' (ср. нем. *Wärter* 'сторож, смотритель', *Wartung* 'наблюдение за, техобслуживание'), несмотря на соблазн семантической параллели (но параллели неоднокорневой и этимологически ложной!) *повременить* ~ *warten*.

Однако если соответствие *современный* ~ *gegenwärtig* является этимологически надежным, семантически оно является лишь частично релевантным, если учитывать данные истории языка: *Gegenwart* соотносимо не с динамическо-циклической моделью времени, а со статической идеей присутствия (= *нрп-сум-ствия*), поскольку это калька лат. *praesens* = *prae-sens* (> нем. *Präsens*). *Gegenwart* обозначает скорее статическую ситуацию, в которой «нечто повернуто к чему-либо». Это семантически в какой-то мере аналогично нем. *Gegenstand* 'предмет, вещь, тема, объект', являющемуся калькой лат. *objectum* = *ob-ject-um* букв. «напротив-расположенное».

Кроме того, в *время* (< **uert-men*), *времени* диахронически выделяется суффикс **-men*, который проявляется в лат. аналогичных образованиях типа *volumen* 'извив, вращение, круговорот, свиток,

¹⁰ Лат. *versus* (< *vertere*) имело, помимо многих других его значений как наречия, предлога и существительного, значение 'борозда' < 'поворот плуга в конце борозды' и 'мера земельной площади около 30 кв. м', а также значение 'стихотворная строка' (ср. рус. *версификация* < лат. *versificatio*). А формально-семантически фр. *version* 'перевод с иностранного языка на родной; версия; разновидность' (< лат. *versio* < *vertere*) вполне аналогично сербск. и хорв. *врста* *vrsta* 'тип, разновидность'.

рукопись, том' = *volu-men* < *volvere* = *uoluere* 'катить, катиться, вращать, разворачивать', причем *volvere* может соотноситься с концептом циклического времени, ср. лат. *volventibus annis* 'в течение лет', *volvenda dies* 'течение (событий) дня'.

Среди других инокорневых семантических параллелей к формально-семантической конфигурации *время* ~ *вертеть* можно отметить греч. *peri-odos* (где *odos*=*hodos* родственно рус. *ход*) 'обход; окружность; круговращение; определенный круг времени, период', ср. *период*, англ. *period*, нем. *Periode*, фр. *période*.

В качестве примера нашего подхода в словаре (Sakhno 2005/2011) приведем (в графически упрощенном варианте) начало статьи с описанием русских слов с корнем *ВЕРТ* (с. 50-55), не имея возможности подробно комментировать все элементы и принципы описания (об этом см. «Введение» нашего словаря, с. 7-20).

ВЕРТ 'tourner'

Variantes: ВЁРТ, ВЕР, ВОРОТ, (В)ОРОТ, ВОРОЧ, (В)ОРАЧ, ВЕРЕТ, (в)РАТ, (в)РАЩ, **ВРЕ**

☞ *Racine apparentée en français: vertige* [< lat. *vertīgo* < lat. *vertere* 'tourner' < i.-eu. *wert- 'tourner']

☞ *Racines homonymes & paronymes: ВЕР-* 'croire', *ВОРОТ-* 'enclos', *ВРАГ* 'ennemi', *ВЕРХ* 'sommets', *ВОРЧАТЬ* 'grogner', *ВОР* 'voleur', *ВРАТЬ* 'mentir', *ВЫРАЩИВАТЬ* 'cultiver', *ВЕРЁВКА* 'corde', *ВОРОН* 'corbeau', *БРАТ* 'frère'

▶ *Racines synonymes: КРУТИТЬ* 'tourner', *КРУГ* 'cercle'

1. « tourner autour d'un axe » > « hélicoptère », « tourbillon » > « grotte » et « cou » > « col »

◆ ВЕРТ-е-ть {верчу, вертишь} *ipf* / по-ВЕРТ-е-ть *pf^{attén}* 'tourner vt, faire tourner ; *fam* + *I* manipuler, faire marcher (son fiancé: *женихом*): *Не верти головой, сиди спокойно* 'Ne tourne pas la tête dans tous les sens, reste assis bien sagement'

☞ ВЕРТ-е-ть-ся *ipf* / по-ВЕРТ-е-ть-ся *pf^{attén}* 'tourner vi ; *fam* remuer vi ; tourner autour du pot ; se débrouiller (dans la vie)'

☞ ВЕРТ-ел *m* 'broche à griller la viande (longue: *длинный*)'

☞ ВЕРТ-л-яв-ый 'remuant, agité (gamin: *мальчишка*)'

☞ ВЕРТ-о-лёт *m* [+лет- 'voler'] 'hélicoptère': *на в-е* 'en h. (vol)'

◆ ВЕРТ-еп *m* 'caverne, grotte, *hist* crèche [cf. ЯСли] ; *péj* repaire (bandits), coupe-gorge' [< 'gouffre < tourbillon d'eau, *vortex*']

- ◆ L ВЕРЕТ-ен-о *n* ‘quenouille [$\text{< *k}^{\text{w}}\text{el-}$], fuseau (ancien: *старинное*) [$\text{< ce qui sert à filer la laine par un mouvement de rotation}$]
- ◆ ВОРОТ *m* et ВОРОТ-ник *m* ‘col (de la robe: *платья*) [$\text{< cou < ce qui permet à la tête de tourner}$]: *грязный в.* ‘col sale / sali’

☼ Un rapprochement est à faire entre ворот (‘cou’ > ‘col’) et son apparenté fr. *vertèbre*: les *vertèbres* sont les chaînons de la colonne *vertébrale* [voir поЗВОНчик p. 106] qui nous permet-tent de tourner le corps. Il existe un rapport analogue entre r. *коле-со n* ‘roue’ et fr. *col, cou, quenouille* (< i.-eu. $\text{*k}^{\text{w}}\text{el-}$ ‘tourner’).

- ◆ вод-о-ВОРОТ *m* [+ вод- ‘eau’] ‘tourbillon d’eau, remous, vortex’
- ◆ круг-о-ВОРОТ *m* [+ круг ‘cercle’] ‘tourbillon, fig épicycle’
- ◆ ВРАЩ-а-ть *ipf* / по-ВРАЩ-а-ть *pf^{attén}* ‘faire tourner (roue)’
- ☞ ВРАЩ-а-ть-ся *ipf* ‘tourner *vi* ; évoluer (dans société)’: *Земля в~ается вокруг Солнца* ‘La Terre tourne autour du Soleil’
- ☞ ВРАЩ-ени.-е *n* ‘fait de tourner, rotation’: *в. Марса* ‘r. de Mars’
- ☞ ВРАЩ-а-тель-ный ‘rotatif’: *в~ое движение* ‘mouvement r.’

Данный раздел статьи к корню *ВЕРТ* (всего их в статье *ВЕРТ* десять, разного объема и разной степени анализа), не претендуя ни на семантическую строгость представления, ни на полноту описания, ставит целью сразу ввести франкоязычного филолога в мир разнообразных слов и значений, связанных с русским корнем *ВЕРТ* и его вариантами (*ВЕРТ*, *ВЕР*, *ВОРОТ*, (*в*)*ОРОТ*, *ВОРОЧ*, (*в*)*ОРАЧ*, *ВЕРЕТ*, (*в*)*РАТ*, и пр.). Поэтому помимо базовых единиц (*ВЕРТеть*) и семантически очевидных производных (*ВЕРТлявый*, *ВЕРТолёт*, *ВЕРЕТено*), даются менее очевидные, более редкие и даже удивительные факты (*ВЕРТен*¹¹ ‘пещера’ < ‘пропасть’ < ‘пучина’ < ‘водоворот’), а также неочевидные, но в какой-то мере закономерные факты.

Так, *ВОРОТ*, *ВОРОТник* в синхронии формально и семантически нелегко соотносить с *ВЕРТ*, но развитие значения вполне объяснимо (‘воротник’ < ‘шея’¹² < ‘то, что вертится, что позволяет голове вертеться’). При этом пример к базовому глаголу *ВЕРТеть* (*Не верти головой, сиди спокойно*) как бы заранее иллюстрирует возможность такого семантического развития. Этимологически и семантически обоснованные рус.-фр. параллели разного типа оговариваются в комментариях (графически в рамке ☼): семантический переход ‘воротник’ < ‘шея’ аналогичен семантическому переходу, наблюдаемому во фр. *col* ‘воротник’, так как *col* диахронически свя-

¹¹ См. об этом слове в (Петрухина 2012, 15).

¹² Ср. болг., сербск. и хорв. *врат, vrat* ‘шея’.

зано с фр. *cou* 'шея', которое восходит к индо-евр. *k^wel- 'вертеть' (ср. греч. *kuklos* 'колесо' и др.). Но в этой связи нами указывается и более тонкая параллель: формально-семантическая аналогия между *ВОРОТник* (< 'шея') и фр. *vertèbre* 'позвонок, часть позвоночника < 'то, что позволяет телу вертеться'.

Разные типы параллелей выделяются особыми графическими средствами: например, корень слова *ВЕРЕТено* семантически аналогичен диахроническому корню фр. слова *quenouille* 'веретено' [< индо-евр. <*k^wel-], что выделяется подчеркиванием корня во фр. *quenouille*.

В целом же межъязыковые лексические эквиваленты в плане деривации пока еще недостаточно систематизированы лингвистами и лексикографами (насколько нам известно), если не считать работ: «Латинско-итальянско-испанско-французско-английско-нидерландско-немецкий словообразовательный словарь» (Geysen 1985) и «Латинско-русский словообразовательный словарь» (Петрова 2008)¹³.

Недостаточно разработана и общая типология словообразовательных формально-семантических мотивационных параллелей. Поэтому в заключение мы предлагаем краткую попытку такой типологии.

К типологии словообразовательных формально-семантических мотивационных параллелей (между русским языком и западноевропейскими языками)

А. Этимологически обоснованные параллели

Обычно они также обоснованы семантически, по крайней мере частично. В синхронии они могут быть прозрачными, полупрозрачными или непрозрачными (далее жирным шрифтом выделяются соответственно корни и аффиксы).

1. Корневые этимологически обоснованные параллели

- *обращать, обратить (в веру)* <*об-**вращ**-ать, *об-**врат**-ить, ист. корень *верт*- ~ фр. *convertir* = *con-vert*-ir < лат. *con-vert*-ere ;
- *со-**в**ре-мен-н-ый* (ист. корень *верт*-, лат. *vertere*, нем. *werden*, англ. *-ward*) ~ нем. *gegen-wärt-ig* < *Gegen-wart* букв. «напротив-повер-

¹³ Правда, в этой работе выявление латинско-русских межъязыковых лексико-семантических эквивалентов не является главной целью.

нудое») ‘присутствие; настоящее время, современность; настоящее время (в грамматическом значении)’. С точки зрения семантического сближения префиксов (выделено здесь и далее подчеркиванием), ср.: англ. *with* ‘на-против, против; (вместе) с’.¹⁴

2. Аффиксальные этимологически обоснованные параллели

- *обо-зр-евать, о-смапр-ивать* ~ фр. *ob-serv-er* ‘обозревать, наблюдать’ < лат. *ob-serv-are* (но нем. *ob-* в *beobachten* = *be-ob-acht-en* ‘наблюдать’ имеет иную этимологию!);
- *про-мышл-енность* < *про-мысел*; (*божий*) *промыс(е)л*, ср.: *мысль*, ~ греч. *pro-noia* ‘провидение, предвидение’, *pro-meth-eia* ‘провидение, предвидение’; ср. *про-вид-ец*, *про-зор-ливый*, *пред-вид-еть*, *пред-у-смотр-еть*, лат. *pro-vid-ere*, *pro-spec-ere*, англ. *pro-vide*, *pro-spect*, *fore-see*, нем. *vor-(aus)sehen* ‘предвидеть’, литов. *pra-monė* ‘промышленность’ (см. подробнее Sakhno 2013);
- *швед-ск-ий, англий-ск-ий*: суффикс *-ск-* (герм. происхождения) ~ швед. *sven-sk*, *engel-sk*, др.-англ. *engl-isk* > *Engl-ish*, нем. *Engl-isch*, *Halle-sch* (< *Halle*), *deut-sch* < др.-герм. *diut-isk-*, итал. *ted-esc-o*; др.-герм. *frank-isk* > нем. *fränk-isch*, лат. *franc-isc-us* > фр. *François*, *français*.

Но есть и аффиксальные этимологически обоснованные, но семантически обманчивые (и поэтому семантически нерелевантные) параллели, ср.:

при-зрак (где *при-* со значением неполноты действия) ~ ? лат. *prae-stigiae* pl. ‘призраки, обман’¹⁵ < **praestrigiae* < *prae-stringere* ‘стягивать, сдерживать; ослеплять’ < лат. (ист.) ‘стягивать повязку перед глазами’.

3. Аффиксально-корневые этимологически обоснованные параллели

- *из-ым-ать, изъ-я-ть* (*из списка*), ист. корень *-ем-*, им- ~ фр. *exempter* = *ex-em-pt-er* ‘освобождать (от обязанностей)’ < лат. *ex-* + *emere* ‘*из-ым-ать* из числа’;
- *председатель* = *пред-сед-атель* ~ фр. *président* = *pré-sid-ent*, англ. *pre-sid-ent* < лат. *prae-sid-ere*; ср. нем. *Vorsitzende(r)* ‘председатель’ = *Vor-sitz-ende(r)*, также *Vorstand* ‘правление, председательство’; нидерл. *voor-zitt-en* ‘председательствовать’; греч. *proedros* проэдрос = *pro-(h)ed* (< **sed*)-*ros* ‘председатель, президент’;

¹⁴ Параллель является этимологически надежной, но семантически – лишь частично релевантной (см. выше).

¹⁵ Отсюда фр. *prestige* > рус. *престиж*. Так что лингвистически *престиж* вдвойне обманчив!

- **пре-врат-ный** корень *верт-* / *врат-* ~ фр. *per-vers* < лат. *perversus* = *per-vers-us* 'неправильный, дурной, извращенный';
- **пере-вращ-ивать, перевернуть** < ***пере-верт-нуть**, корень *верт-* / *ворот-* ~ фр. *pervtir* = *per-vert-ir* 'извратить, развратить' < лат. *per-vert-ere* 'переворачивать, опрокидывать; разрушать, портить, губить; совершенно изменять';
- **отец** < общесл. **otīcī* (праслав. <**ot-ik-os*) ~ греч. *Attikos* = **Att-ik-os** 'аттический' (Трубачев 1974-2013, том 39)¹⁶.

Но ср. семантически обманчивые параллели:

оборот (*листа, монеты*) < ***об-ворот**, ист. корень *верт-* ~ ? фр. *obvers* = **ob-vers** 'лицевая (а не оборотная!) сторона монеты' (ср. нем. *Vorderseite*), исторически корень *vert-*.

В. Этимологически не обоснованные (и семантически обманчивые) параллели

по-времен-ить ~? нем. *warten* < индо-евр. *(s)*wer-* 'следить за чем-нибудь, наблюдать' (ср. нем. *Wärter* 'сторож, смотритель', топоним *Wartburg*).

С. Внеэтимологические семантически обоснованные параллели

Подчеркиванием выделяются корни и аффиксы.

1. Внеэтимологические семантически обоснованные параллели на уровне корней

- **воз-вращ-аться, воз-врат-иться**, ист. корень *верт-* ~ фр. *retourner* 'возвращать(ся)' = *re-tourn-er*, англ. *return*, ср. *tourner* 'крутить(ся)';
- **обращаться, обратиться** < ***об-вращ-аться, *об-врат-иться**, ист. корень *верт-* ~ нем. *wenden* 'оборачиваться, поворачивать', *sich wenden* 'оборачиваться, поворачиваться; (+ *an jmn*) обращаться', фр. *se tourner vers*, англ. *to turn to* (*He turned to me for advice*).

¹⁶ Этот пример основан на дальней и гипотетичной этимологии. Но таким образом, топоним (и этно-хороним) *Аттика* = **Атт-ик-а** (греч. *Attikê*) был бы формально-семантически аналогичен русскому *Отечество* = **От-еч-ество**.

2. Внеэтимологические семантически обоснованные параллели на уровне аффиксов

вос-пит-ание («движение вверх» + «питать») ~ нидерл. *opleiding* ‘воспитание’ = *op-leid-ing* («движение вверх» + «вести»), ср. нем. *gross-zieh-en* и *auf-zieh-en* ‘воспитывать’ («движение вверх» + «вести»).

3. Внеэтимологические семантически обоснованные параллели на аффиксально-корневом уровне

Нередко это – явные или скрытые кальки.

- *со-времен-ный* ~ фр. *con-tempor-ain*, англ. *con-tempor-ary* < лат. *con-tempor-aneus* < *con-tempor-are* ‘совпадать по времени’; ср. нем. *zeit-genössig* ‘современный’;
- *подо-зре-вать* ~ фр. *suspecter* ‘подозревать’ = *su-spect-er* < лат. *su(b)-spic-ere* < *specere* ‘смотреть’ (но ср. нем. *ver-dächt-igen* ‘подозревать’);
- *бес-печ-ный*, корень *-печ-* (ср. *печь*, *печу*) ~ фр. *nonchalant* = *non-chal-ant* («не-печ-ный») ‘беспечный’ < фр. *chaloir* < лат. *calere* ‘быть теплым, горячим; быть встревоженным’; ср. рус. *печаль* < *печь*; *горе* < *гореть*;
- чеш. *bez-peč-nost* ‘безопасность’ ~ лат. *se-cur-itas* ‘безопасность’ < *se(d)-* ‘без, удаление’ + *cura* ‘забота’ (см. подробнее Sakhno 2005/2011, 18-20);
- *вос-пит-ание* ~ швед. *uppföstran* = *upp-föstr-an* ‘воспитание’ ~ нидерл. *op-voed-ing* ‘воспитание’ («движение вверх» + «питать»); ср. нем. *Er-zieh-ung* ~ фр. *éducation* = *é-duc-a-tion* < лат. *ē-duc-ā-re*, англ. *education* («движение наружу» + «вести»); исп. *alumno* ‘воспитанник, ученик’ < лат. *alumnus* ‘воспитанник’ < *alere* ‘питать’ (cf. *alma mater*).

D. Смешанные случаи

- аффиксальная параллель по типу А + корневая параллель по типу С (но семантически соотносительная), например:

пре-зир-ать ~ нем. *verachten* = *ver-acht-en*, но ср. *пре-зир-ать* ~ англ. *despise* < лат. *de-spic-ere*;

- корневая параллель по типу С + аффиксальная параллель по типу С (смысл корня в слове одного языка частично передается аффиксом с аналогичным смыслом в слове другого языка), например:

время (< *вертеть*) ~ греч. *peri-odos* ‘обход; окружность; круговращение; определенный круг времени, период’, ср. *период* англ. *period*, нем. *Periode*, фр. *période*.

Итак, представление русской синхронно-диахронной словообразовательной системы требует дальнейшего выявления русско-иноязычных межъязыковых лексико-семантических параллелей в плане синхронно-диахронной деривации и с описанием фактов параллельных семантических переходов.

Литература

- Беляков 2001: В. Беляков, Словообразовательная семантика вторичных глагольных приставок. М. Гиро-Вебер, И.Б. Шатуновский (eds.), Русский язык: пересекая границы. Дубна, 19-27.
- Березович 2010: Е.Л. Березович, Русский ад на иноязычном фоне: к сопоставительному изучению деривационной семантики межъязыковых лексических эквивалентов. Вопросы языкознания 6, 37-57.
- Вежбицкая 1996: А. Вежбицкая, Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия. А. Вежбицкая, Язык. Культура. Познание. Москва., 1996, 231-290 (The meaning of colour terms: semantics, culture and cognition. Cognitive linguistics, 1990, 1, 1, 90-150).
- Гак 1998: В.Г. Гак, Языковые преобразования. Москва.
- Ефремова 1996: Т.Ф. Ефремова, Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. Москва.
- Журавлев 2010: А.Ф. Журавлев, Интуиция этимолога. Ж.Ж. Варбот (ed.), Этимология 2006-2008. Москва, 3-23.
- Зализняк 2013: Анна А. Зализняк, Семантический переход как объект типологии. Вопросы языкознания 2, 32-51.
- Киселева, Пайар 1998: К. Киселева, Д. Пайар (eds.), Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания. Москва.
- Козулина и др. 2009: Н.А. Козулина, Е.А. Левашов, Е.Н. Шагалова, Аффиксоиды русского языка. Санкт-Петербург.
- Менгель 2002: С. Менгель, Семантические и формальные корреляции внутри словообразовательной категории и словообразовательной парадигмы. S. Mengel (ed.), Slavische Wortbildung. Semantik und Kombinatorik. Münster, Hamburg, London, 329-342.

- Менгель 2010: С. Менгель, Концепт – ментальность – язык: философия языка В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни в свете современных лингвистических теорий. Відображення історії та культури народу в словотворенні. Київ, 165-175.
- Петрова 2008: Г.В. Петрова, Латинско-русский словообразовательный словарь. Москва.
- Петрухина 2012: Е.В. Петрухина, Закономерности изменений в русской языковой картине мира: представления о духе и душе. Вопросы когнитивной лингвистики, 3, 1-11.
- Рацбургская 2009: Л.В. Рацбургская, Словарь уникальных морфем современного русского языка. Москва.
- Степанов 1997: Ю.С. Степанов, Константы. Словарь русской культуры. Москва.
- Токарев 1991: С.А. Токарев (ed.), Мифы народов мира. Т 1. Москва.
- Трубачёв 1974-2013: О.Н. Трубачёв (гл. ред.), Этимологический словарь славянских языков. Т. 1-39. Москва
- Улуханов 1992: И.С. Улуханов, Мотивация и производность. Вопросы языкознания, 2, 37-67. Цит. по I. S. Uluxanov, Zur Theorie der russischen Wortbildung, Ausgewählte Schriften. S. Mengel, S. Höhbusch (Hg.). Halle/Saale, 2004, 89-121.
- Фасмер 1987: М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. Москва: Прогресс, 1987.
- Шведова 1999: Н.Ю. Шведова, Теоретические результаты, полученные в работе над “Русским семантическим словарем”. Вопросы языкознания, 1, 3-16.
- Яковлева 1994: Е.С. Яковлева, Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Москва.
- Dennes 2012: M. Dennes, Špet et l’héritage de Humboldt. P. Sériot (ed.), Humboldt en Russie, Cahiers de l’ILSL, 33. Lausanne: Université de Lausanne, 17-32.
- Clémens, Chapovalova 2002: P. Clémens, E. Chapovalova, Les mots russes par la racine: Essai de vocabulaire russe contemporain par l’étymologie. Paris: L’Harmattan.
- Geysen 1985: R. Geysen, Dictionnaire des formation analogues en 7 langues: latin, italien, espagnol, français, anglais, néerlandais, allemand. Paris, Gembloux: Duculot.
- Herman 1975: L.J. Herman, A Dictionary of Slavic word families. New York, London: Columbia University Press.

- Lehmann 1995: V. Lehmann, Die Rekonstruktion von Bedeutungsentwicklung und -motiviertheit mit funktionalen Operationen, *Slavistische Linguistik* (München), 255-289.
- Patrick 1989: G.Z. Patrick, *Roots of the Russian language*. Lincolnwood, Chicago: Passport Books.
- Press 2000: I. Press, *What's in a Russian word?: From sounds to structures*. London: Bristol Classical Press & G. Duckworth.
- Sakhno 2001: S. Sakhno, *Dictionnaire russe-français d'étymologie comparée: Correspondances lexicales historiques*. Paris: L'Harmattan.
- Sakhno 2002: S. Sakhno, *Autour des prépositions russes O(B) et PRO: Problème des parallèles lexico-sémantiques slavo-latins*. *Slavica Occitania*, 15, 157-178.
- Sakhno, Hénault-Sakhno, 2005: S. Sakhno, Ch. Hénault-Sakhno, *Typologie sémantique lexicale: problèmes de systématisation*. G. Lazard, C. Moyse-Faurie (eds.), *Linguistique typologique*. Villeneuve-d'Ascq, 71-90.
- Sakhno 2005/2011: S. Sakhno, *100 racines essentielles du russe: Découvrir les trésors des mots*, Paris: Ellipses. [2005 1re éd.), 2011 2e éd., revue et enrichie]
- Sakhno, Tersis 2008: S. Sakhno, N. Tersis, *Is a «friend» an «enemy»? Between «proximity» and «opposition»*. M. Vanhove (ed.), *From Polysemy to Semantic Change. Towards a typology of lexical semantic associations*. Amsterdam - Philadelphia, 317-340.
- Sakhno 2011: S. Sakhno, *Les députés du Parlement russe pensent-ils? Rapport entre la synchronie et la diachronie dans l'analyse de certains termes de langues européennes*. J.J. Briu (ed.), *Terminologie et analyse conceptuelle*. Berne etc., 153-190.
- Sakhno 2013: S. Sakhno, *Les mots russes de la culture matérielle: les ambiguïtés du dualisme «mot d'origine slave» / «mot occidental»*. *Revue Russe (Paris)*, 41, 85-99.
- Vaillant 1974: A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves. Tome 4: La formation des noms*. Paris: Klincksieck.
- Viellard 2012: S. Viellard, *Les séquences duelles avec друг друг(a) et la question du désenclavement de la préposition*. *Revue des études slaves*, 83, 2-3.
- Worth et al. 1970: D. Worth, A. Kozak, D. Johnson, *Russian derivational dictionary*. New York, etc.
- Wunderli 1988: P. Wunderli, *Saussure et la diachronie*. A. Joly (éd.), *La linguistique génétique*. Lille, 143-199.